

«МЕЧТА» И ЕЕ ВЗАИМООТРАЖЕНИЕ С РОДСТВЕННЫМИ ФИЛОСОФСКИМИ ПОНЯТИЯМИ

Рассмотрена специфика понятия «мечта» как философской категории. Определены сущностные аспекты «мечты» в рамках зависимости от родственных этико-эстетических философских понятий – идеала, фантазии, надежды, красоты, утопии.

Ключевые слова: мечта, фантазия, идеал, надежда, страх, грезы, красота, утопия.

Мечта, как правило, присутствует в каждом человеке, люди живут мечтой, верят в мечту как неотъемлемую часть человеческого существования. На наш взгляд, мечта – это всегда позитивное воображение, наполняющее бытие человека желаемым миром фантазий, который рисуется в будущем. В связи с этим, возникает необходимость ее изучения, выявления ее содержательного смысла в жизни, обоснование ее специфической функции.

«Мечта» в переводе на латинский язык – *somnium, vana spes, phantasma, specie*; «надежда» – *spes*; «идеал» – *species, ideal, specimen*. Исследование лингвистического поля, показало, что в латинском языке наглядно выступает единое для понятий: «мечта» «надежда», «идеал», однокоренное слово – «*spes*». «*Spes*» – «надежда» является связующим звеном совершенно различных понятий, таких как «мечта» и «идеал»; это в значительной степени обусловлено типологией грамматики и фонетики латинского языка. Следовательно, когда мы говорим о мечте, об идеале, то уже *a priori* подразумеваем надежду, а это означает их взаимообуславливающую связь на семантическом уровне.

В «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений», приведены следующие синонимичные сопоставления: «Идеал – совершенство, верх, образец, *мечта*, несбыточное желание. Мечта – мечтание, бредни, греза, дума, видение, привидение, иллюзия, призрак, причуда, самообман, самообольщение, *утопия, фантазия*, химера, воздушный замок, игра воображения, сон, бред, несбыточное желание, *идеал*. Надежда – ожидание, упование, чаяние, вера; предвкушение, предположение, предчувствие, виды на что-то, перспектива, шанс (шансы); *мечта*, иллюзия, химера» [1, с. 226, 292, 308].

Следовательно, понятия: «мечта», «идеал», «надежда» выступают квази-синонимичными в

отношении друг друга, взаимодополняющими свое смысловое содержание, при этом, необходимо так же, акцентировать внимание на понятии «утопия» и «фантазия», входящие в коннотацию понятия «мечта».

Действительно, мечтая, человек создает фантазийный образ, окрашенный в яркие краски воображения, и чем искуснее, продуманнее фантазия, тем выше интеллектуальная и познавательная способность мечтающего. Этот взгляд на фантазию как одну из познавательных способностей встречается уже у византийского мыслителя Григория Паламы, который писал о «фантастиконе души»: «Фантастикон души воспринимает образы от чувств, отделяя их от предметов и эйдосов... Он содержит в себе для внутреннего использования ценности даже при отсутствии самих предметов и делает их видимыми для себя (в образах)... Фантастика является границей ума и чувства... и ум, постоянно вращаясь, перерабатывает образы, многообразно диалогизируя, аналогизируя, силлогизируя» [23, с. 98 – 99].

Понимание фантазии византийским мыслителем наиболее точно выражает сущность мечты, которой также свойственно соединение чувств и разума, наполненность ценностными, значимыми образами «для внутреннего использования», видимые только в себе и «для себя». Но фантазия связана с игрой воображения, не претендующая на действительность, а мечта – это нешуточное занятие воображения, предполагающее серьезное отношение к воплощению в существующий мир.

Интеллектуальная направленность характерна и для идеала как одного из квази-синонимов мечты. Так, в свое время, И. Кант утверждал, что в основе идеала должна обязательно лежать идея разума: «Идея означает, собственно говоря, понятие разума, а *идеал* – представление о единичном существе как адекватном идее» [9, с. 100]. Но, идея, на которой основывается идеал, *a priori*

определяет цель: «там, где при тех или иных основаниях суждения должен иметь место идеал, в основе должна лежать какая-либо идея разума по определенным понятиям, априорно определяющая цель, на которой основана внутренняя возможность предмета» [9, с. 101].

Следовательно, философ выделяет в идеале целенаправленность, целеполагание идеи. Идея как цель, по И. Канту, задает правила, а «идеал служит в таком случае *прообразом* для полного определения своих копий», и «хотя и нельзя допустить объективной реальности (существования) этих идеалов, тем не менее нельзя на этом основании считать их химерами: они дают необходимое мерило разуму, который нуждается в понятии того, что в своем роде совершенно, чтобы по нему оценивать и измерять степень и недостатки несовершенного» [8, с. 436].

Утверждение о невозможности существования идеалов в эмпирической реальности И. Кант подтверждает примером человеческой мудрости и добродетели, являющихся идеями, а идеалом, в этом случае, выступает мудрец: «человек, который существует только в мысли, но который полностью совпадает с идеей мудрости» [8, с. 436].

Таким образом, философ исключает попытки осуществления идеала в практической действительности, так как идеал – это «единичный предмет» в разуме, в его «чистом созерцании» как прообраз для следования и оценки, но идеал лежит «в основе возможности совершенства определенных поступков» [8, с. 436].

Так, по словам И. Канта, в идеале должен также присутствовать не только интеллектуальный и целевой момент, но и нравственный, который обязан воплотиться в практическое выражение добрых, чистых идей разума: «идеал состоит в выражении *нравственного*, без чего предмет не мог бы нравиться всем, причем позитивно. Правда, зримое выражение нравственных идей, которые внутренне властвуют над человеком, может быть взято только из опыта; однако для того, чтобы сделать зримым в телесном выражении (как действия внутреннего мира) их связь со всем тем, что наш разум сочетает с нравственно добрым в идее высшей целесообразности, — доброту души, чистоту, силу или спокойствие и т. д., — необходимо, чтобы тот, кто хочет хотя бы только судить о них, а тем более выразить их, был способен соединить чистые идеи разума с большой силой воображения» [9, с. 103 – 104].

Таким образом, И. Кант акцентирует внимание на моральном выражении человеческого идеала, предполагающем априорное содержание добра в высшей идее целесообразности, делающим возможным всякое поведение, познание или суждение. В области поведения идеал выступает в форме «категорического императива», в области познания – в качестве постулата «запрета противоречия».

На основе кантовского понимания идеала проведем параллель между понятиями «идеал» и «мечта», которая заключается в сходстве устремленности к некоей цели, возможной при более совершенном устройстве мира. Мечта как идеал является «прообразом», но идеал, по И. Канту, недостижим, и возможно, лишь бесконечное приближение к нему; мечту, же можно допустить в частичном или полном воплощении в реальности. На основе этого «прообраза» создается «мерило», с помощью которого разум способен оценить совершенное в своем роде и выявлять недостатки несовершенного.

Идеал и мечта, как «прообразы», должны быть наполнены исключительно моральным содержанием, предполагающим их подлинный смысл. Как сказано у Эриха Фромма: «все люди – «идеалисты»... Они различаются видами идеалов, в которые верят. На самые лучшие, но также и на самые сатанинские проявления ума человека вдохновляет не плоть, а его «идеализм», его дух» [21, с. 64]. Человек не волен выбирать – иметь или не иметь мечту как идеал, но он волен выбирать мечту «между поклонением идолу власти и разрушения и поклонением разуму и любви» [21, с. 64].

Действительно, мечта, идущая вразрез с нравственными постулатами и с этическими ценностями – это антимечта, не имеющая своей прелести, созданной гармонией доброты и прекрасного, не несущая благо миру. Подлинная мечта, на наш взгляд, всегда привлекает, доставляет положительные эмоции, она является безусловным добром, предполагающим полное, добровольное и сознательное предпочтение добра злу.

Мечта – необходимая, высокая, идеальная фантазия-цель, задающая смысло-жизненную ориентацию в будущее. В отличие от мечты, надежда, которая так же направлена в будущее, не задает воображаемой цели, ориентира, по которому следует продвигать свои творческие жизнеустремления.

«Имея высокий идеал и стремясь к его осуществлению, – считает Р.Г. Апресян, – человек находит адекватные целям и уместные в соответст-

ющих ситуациях средства для его практической реализации» [2, с. 183]. Мечта сподвигает целеустремленного человека к реальным действиям, даже если они отклоняются от идеального представления. В мечте содержатся как активные, так и пассивные ожидающие начала, а в надежде исключительно пассивное ожидание, «ждание» лучшего. «Думать о лучшем – есть первоначально сугубо внутренний процесс «Я»» [4, с. 49] – утверждает Э. Блох, автор «Принципа надежды».

Интересную трактовку понятию «надежда» дает М. В. Ломоносов: «Надежда есть услаждение о получении будущего добра. Движением сея страсти бедные утешаются и ободряются ослабевшие» [12, с. 366].

Надежда есть «услаждение», услада добром, предвкушение удовольствий блага, направленное в будущее; ожидание момента пребывания в позитивной сущности добра. Надежда «утешает», придает бодрость духу, а также, позволяет выйти из безнадежного, критического состояния личности.

М. В. Ломоносов прописывает некоторые рекомендации для ратора, чтобы вызвать это чувство: «Ритор, когда оную в ком возбудить хочет, то должен он представить: 1) что оно добро получить возможно, 2) что в получении оно хотя есть препятствия и затруднения, однако преодолеть их не весьма трудно, 3) что к получению оно есть довольные способы, 4) что есть примеры, как другие прежде подобным образом то же достали или он и сам прежде сего получал, 5) что время, место и обстоятельства к тому способны, 6) что есть признаки божьей помощи, на которую уповать должно» [12, с. 366].

Следовательно, по М. Ломоносову, надежду можно вызвать в другом человеке, соблюдая ряд последовательных наставлений: возможность осуществления желаемого в будущей действительности; достижение желаемого сопровождается совокупностью определенных препятствий; возникающие трудности преодолимы за счет активных действий и стараний человека.

Также, М. В. Ломоносов противопоставляет понятия «надежда» и «страх», именуя страх как «боязнь». «Противная надежде страсть – боязнь есть скука от ожидания приближающегося зла» [12, с. 367]. Здесь великий русский мыслитель невольно повторил Б. Спинозу, указав на довольно четкую связь, прослеживающуюся между надеждой и страхом в их направлен-

ности ожидания в будущее, но, в отношении надежды, ожидание имеет позитивную, положительную тональность, а, в отношении страха, – негативную, отрицательную окраску.

Таким образом, «ожидание», представляет собой некое гештальт-понятие, пытающееся стянуть воедино разнополюсные ситуации и состояния человека живущего и надеющегося жить.

«Ожидание – «проклятие» философии, которая боится и надеется стать *самой собой*, то есть стать «любовью к смыслу»: к смыслу не как вечно ожидаемому результату «любви к мудрости», а как к тому, что дано самой любовью изначально и находится не в будущем, а в вечности» [18, с. 82].

Следовательно, родовым началом надежды и страха является ожидание: для первой как предвкушение обладанием блага, а для последнего как неудовлетворенность возможной потерей блага. Положительное ожидание также свойственно и мечте, но для надежды это – ближайшее будущее, а для мечты – «прекрасное далеко», то есть отличие обусловлено пространственно-временной протяженностью.

Мечта, зародившись как «коррелят фантазии, заключенный вначале только внутри нее самой» [4, с. 49], сохраняется даже в условиях отсутствия обосновывающего подкрепления в будущем, и эта немаловажная черта также присуща надежде. «Даже разбитая надежда продолжает мучительно обманывать – призрак, ..., хранящий верность развенчанным образам» [4, с. 49], – замечает Э. Блох. Но на страх этот принцип не распространяется, так как страх при отсутствии источника подкрепления угасает, утрачивает свою угрожающую актуальность. Мечта может переродиться в следующую мечту на основании предшествующей, что характерно и для надежды, которая «не проходит сама по себе, а лишь уступает место своим собственным новым образам» [4, с. 49].

В психологической трактовке понятие «мечта» это:

– «необходимое условие преобразования действительности, побудительная причина, мотив деятельности, окончательное завершение которой оказалось отсроченным;

– особая внутренняя деятельность, форму которой нередко принимает воображение; заключается в создании образа желаемого будущего» [10, с. 249];

– «особая форма воображения, которая обращена к сфере более или менее отдаленного будущего и не предполагает немедленного достижения реального результата, а также его полного совпадения с образом желаемого. Вместе с тем мечта может стать сильным мотивирующим фактором творческого поиска» [5, с. 81–83];

– «(первоначальное значение «призрак, видение») – мысленное представление, воображение, создание образа желаемого, грёзы» [11, с. 187].

– «мечтание – довольно неструктурированное, относительно бесцельное психическое состояние, характеризующееся бесцельными мысленными блужданиями и фантазиями» [16, с. 446]. Здесь интерпретируемое понятие следует рассматривать как грёзы, так как последнее действительно содержит в себе бесцельность, неконструктивность, блуждание мысли.

Таким образом, мечта в психологической интерпретации – это, во-первых, представление о жизни высшего порядка, ориентированное на значительно отдаленное будущее; во-вторых, мечта – некая проекция будущего, являющаяся важной побудительной причиной для действий и поиска реализации своего творчества; в-третьих, это мир грёз, уводящих человека, занятого бесцельным мысленным блужданием, от реального мира.

Как сказано у И. Гёте:

«Большое множество простых умов
Живет постройкой карточных домов,
Хотя при жизни даже самый стойкий
Доводит редко до конца постройку»
[7, с. 561].

Научные исследования грёз наяву вел профессор психологии Джером Л. Сингер, который, вместе со своими помощниками, представил в лабораторных условиях объективные доказательства существования внутренних когнитивных процессов, выражающихся в форме фантазий и «грёз наяву». Под наблюдением ученых оказался показатель активности движений глаз при грёзах в состоянии бодрствования и при ночных снах; зафиксированные показатели обнаружили сходство друг с другом [15, с. 562–563]. Этот факт позволяет рассматривать «грёзы наяву» как суррогат мечты – результат измененного состояния сознания, подобного ночным снам, в момент бодрствования.

Художественно-образное пребывание в состоянии мечтаний-грёз довольно ярко представлено у Г. Мопассана: «мысль расправляет крылья и вздымает ввысь, парит, кружит в поднебесье, а потом пронесется над этой гладью и летит далеко-далеко, в волшебную страну наших мечтаний, которую мы не увидим никогда. Да, это прекрасно, потому что больше походит на сказку, на грёзу, а не на осязаемую, зримую действительность» [13, с. 65].

Следовательно, мечта тяготеет к грёзам тогда, когда утрачивает свое проектно-целевое назначение, при отрыве от действительных возможностей, выражающихся в пассивном созерцании фантазий.

«Вожделенная мечта уводит в бесспорно лучшее, и при этом она, ..., уже работает – как обретенное свой образ прекрасное» [4, с. 65]. С нашей точки зрения, именно мечта как образ прекрасного пленяет и заполняет душу человеческого естества гармоничной красотой, являющаяся самой важной в мире: «Ах, красота, гармоническая красота! Это – самое важное в мире! Вне красоты ничего, ровно ничего не существует» [13, с. 66].

«В красоте... мы встречаемся с чем-то безусловно – ценным, что существует не ради другого, а ради самого себя, что самым существованием своим радует и удовлетворяет нашу душу, которая на красоте успокаивается, и освобождается от жизненных ... трудов» [17, с. 281]. Мечте так же свойственно радовать и удовлетворять душу, освобождать от гнета жизненных сложностей. Лишь мечта «как спасающая волшебница, сведущая в целебных чарах» [14, с. 91] способна обратить нелепость существования в радость утешения. «В человеческой жизни ...красота есть только символ лучшей надежды, минутная радуга на темном фоне нашего хаотического существования» [17, с. 277]. Мечта всегда желанна и прекрасна, так как позволяет окунуться в мир красивой виртуальной реальности, где нет места безобразному и несовершенному.

Таким образом, понятия «мечта» и «красота» едины в содержании идеальной сущности. Как мечта, так и красота позволяет человеку, «при посредстве фантазмагорий и радостных иллюзий одерживать победы над ужасающей глубиной миропонимания и болезненной склонностью к страданию» [14, с. 65], но они различны в эстетической форме выражения. Закономерным способом выражения красоты является

ся искусство, которое «завершает свой материк в форме прекрасного, выражает вещи, людей, конфликты в образах прекрасной видимости» [4, с. 64]. Но в этом различии необходимо учитывать, что мечта и красота, также как и «добро и красота, никогда не стоят друг к другу в отношении цели и средства; они скорее составляют единое целое» [22, с. 87] этико-эстетического пространства человеческого существования.

В мечте, как и «во всякой фантазии, присутствует все же нечто духовное, присутствует свобода» [6, с. 80]. Благодаря свободе игры воображения, отсутствию границ, возможно создание идеального образа возвышенной, прелестной красоты. Мечта притягательна, благодаря силе прекрасного образа, увлекающего свободной идеей красоты. Следовательно, человек мечтает, потому что именно в мечте он обретает свободу, которая так необходима в повседневной жизни, чтобы придать радость существованию. Пусть даже свобода заключается только в свободе воображения. Это значит, что мечта полностью или частично оказывает терапевтическое действие, и так как именно у человека возникает эта потребность, он более «интенсивнее переживает свое бытие в мире, ... человеческое существование содержит больше смятенного бытия, больше сумеречного на своей верхней грани и в верхнем слое» [4, с. 49].

«Мы сказки любим все, мы – дети, но большие.
Что в истине пустой? Она лишь ум сушит,
Мечта все в мире золотит,
И от печали злыя
Мечта нам щит» [3, с. 19].

На наш взгляд, мечта – это сказка в созерцании «чистого разума», освещающий путь сомнений лучами искренней веры, светлой надежды и преданной любви, служащие защитой от посягательств «сумеречного» бытия.

Особое место в коннотации понятия «мечта» занимает квази-синонимичное понятие «утопия» как одно из воплощений мечты в свободной фантазии сказочного повествования.

В философском словаре дана следующая трактовка понятия «утопия»: «Утопия (от греч. *υ* – нет и *τοπος* – место, т. е. место, которого нет; по другой версии, от *ευ* – благо и *τοπος* – место, т. е. благословенная страна), изображение идеального общественного строя, лишенное науч-

ного обоснования; жанр научной фантастики; обозначение всех сочинений, содержащих нереальные планы социальных преобразований» [20, с. 470].

Мечта, так же как утопия, является воображением идеала, фантазией, но, в отличие от утопии, у мечты есть возможность частично воплотиться в реальность, хотя при этом она утрачивает себя как таковое. Но именно возможность осуществления – это есть стержневой корень мечты; в условиях отсутствия возможности действительного осуществления в реальности представляемого желания, мечта разрушается.

Утопия, в свою очередь, нигилистически относится к реальной действительности, предпочитая мир несбыточных фантазий. Воплощение в действительность утопии не только не желательно, но даже запрещено, так как есть угроза вырождения утопии в утопизм. Как только ставится практическая задача воплотить представление идеального будущего человечества в реальной действительности, так утопия трансформируется в утопизм, и задача понимания и истолкования мира превращается в задачу его преобразования. В результате этого, утопия утрачивает свое ценностное значение и происходит деструкция смысловой значимости.

Следовательно, в соотношении мечта – утопия главной точкой соприкосновения является элемент предвосхищения, не претендующий на истинность. Для мечты – это возможное «внутри», пространство внутреннего «Я», а для утопии – это возможное «снаружи», пространство, окружающее «Я»-«Ты».

В своей сущности утопия наполнена моральным содержанием, цель которого обратиться к глубокому, внутреннему потенциалу разума, направляющему его на рефлексию духовного мира социума и человека в нем. Таким образом, утопия имеет ограниченную, определенную область фантазийных образов, то есть социум, а мечта распространяется на все области человеческих дум. На наш взгляд, если надежда – признак душевной силы, а мечта – признак силы фантазии, то утопия – признак силы воображения красоты социума, воплощенной в слове.

Следовательно, с нашей точки зрения, мечта – это «дар небес», который характеризует самого человека в личностном плане. В процессе мечтаний необходимо оберегаться от грез, так как грезы это пассивное созерцание бытия. Они препят-

ствуют осуществлению мечты, парализуя действия человека, обволакивая приятной, желанной иллюзией. Но при этом, соблюдая баланс между мысленными блужданиями и цельными воображениями, мечта способствует вдохновению, помогает преодолеть сомнения и жизненные трудности. Как заявляет Г.Д. Торо: «Если человек смело идет к своей мечте, то его ожидает успех» [19, с. 94]. Мечта всегда направлена в будущее, в перспективу жизни и деятельности человека, она основана на жизненных потребностях, вызывающих желания и стремления человека.

Мечта, при этом, не является чем-то самодостаточным, так как всегда предполагает зависимость от родственных ему философских категорий – прекрасное, красота, возвышенное, идеал, надежда, вера, любовь, свобода, счастье,

радость предвкушения, страх разрушения и другие. Но от этого мечта не утрачивает свою самобытность, скорее наполняется многогранностью оттенков смысла. Мечта-фантазия – это воображение интеллектуального разума, способного воспринимать образы от чувств, видимых и значимых только «для себя». Мечта-идеал – это эталон, созданный в согласии с разумом, соединенный с нравственно-добрым, определяющий цель, по которому необходимо следовать. Мечта-надежда – это ожидание, предвкушение приближающегося счастья, направленное в будущее. Мечта–красота – это удовлетворение души, благодаря наличию прекрасных, ценных образов. Мечта–утопия – это способность предвосхищать вероятное будущее, выраженная в фантазии прекрасного слога.

30.05.2013

Список литературы:

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – 8-е изд., стер. – Москва: Русские словари: АСТ: Астрель, 2008. – 668 с. – ISBN 978-5-98010-019-3.
2. Апресян, Р. Г. Идея морали и основные нормативно-этические программы. // Социальная философия и философская антропология. – Москва: 1995. – С. 183.
3. Батюшков, К. Н. Стихотворения / К. Н. Батюшков. – Москва: Худож. лит., 1977. – 206 с.
4. Блох, Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит.: пер. с разн. яз./Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. – Москва: Прогресс, 1991.
5. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак; Москва: Олма-Пресс, 2005. – 672 с. – (Психологическая энциклопедия). – ISBN 5-93878-086-1.
6. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике. В 2 т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – 622 с. – ISBN 5-02-026774-0.
7. Гете, И. В. Стихотворения. Фауст: пер. с нем. / И. В. Гете. – М.: РИПОЛ Классик, 1997. – 800 с. – (Бессмертная библиотека) – ISBN 5-87907-206-1.
8. Кант, И. Критика чистого разума: пер. с нем. / И. Кант. – Москва: Эксмо, 2010. – 736 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-699-14702-1.
9. Кант, И. Критика способности суждения: пер. с нем. / И. Кант. – М.: Искусство, 1994. – 367 с. – (История эстетики в памятниках и документах). – ISBN 5–210–02324–9.
10. Копорулина, В. Н. Психологический словарь / В. Н. Копорулина, М. Н. Смирнова, Н. О. Гордеева. – 3-е изд., доп. и перераб. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 640 с. – (Словари). – ISBN 5-222-05039-4.
11. Летягова, Т. В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филол. словарь / Т. В. Летягова, Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – 2-е изд., испр. – Москва: Наука: Флинта, 2006. – 424 с. – ISBN 5-89349-714-7.
12. Ломоносов, М. В. Избранная проза / М. В. Ломоносов. – 2-е изд., доп. – Москва: Сов. Россия, 1986. – 544 с.
13. Мопассан, Ги де Собрание сочинений: в 6 т. / Ги де Мопассан. – Москва: Терра, 1999. – Т. 5: Монт-Ориоль. Дядюшка Милон. Мисти. – 384 с. – ISBN 5-300-02551-8.
14. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки: предисловие к Рихарду Вагнеру / Ф. Ницше. – Санкт-Петербург: Азбука, 2000. – 230 с. – (Азбука-классика) – ISBN 5-267-00149-X.
15. Психология: биограф. библиограф. словарь: пер. с англ. / Н. Шихи, Э. Дж. Чемплеан, У. А. Конрой. – Санкт-Петербург: «Евразия», 1999. – 832 с. – ISBN 5-8071-0006-9.
16. Ребер, А. Большой толковый психологический словарь: в 2 т. / А. Ребер. – Москва: АСТ-Вече, 2003. – Т. 1: А-О. – 592 с. – ISBN 5-17-009151-6.
17. Соловьев, В. С. [Электронный ресурс]. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – Режим доступа: <http://www.rodon.org/svs/kvp.htm>
18. Стрелец, Ю. Ш. Страх и надежда как «дети» ожидания // Человек: горизонты духовного развития: Материалы Всероссийской... конференции... – Оренбург: ООО «Агентство Пресса», 2009. – С.82.
19. Торо, Г. Д. Уолдэн, или Жизнь в лесу // Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры. Зарубежная литература XIX века: Энциклопедическое издание. – Москва: Олимп; Издательство АСТ, 1996. – 848 с. – ISBN 5-7390-0274-X (общ.). ISBN 5-7390-0284-2 («Олимп»). ISBN 5-7841-0099-8 (Издательство АСТ).
20. Философский энциклопедический словарь / под ред. Е. Ф. Губский, Г. В. Коралева, В. А. Лутченко. – Москва: ИНФРА-М, 2003. – 576 с. – (Библиотека словарей «ИНФРА-М») – ISBN 5-86225-403-X.
21. Фромм, Э. Экзистенциальные и исторические дихотомии человека // Человек для себя: пер. с англ. – Минск: «Коллегіум», 1992. – 253 с.
22. Шеллинг, Ф. В. Философия искусства: пер. с нем. / Ф. В. Шеллинг. – Москва: Мысль, 1999. – 608 с. – (Классическая философская мысль). – ISBN 5-244-00906-0.
23. Шестаков, В. П. Очерки по истории эстетики. От Сократа до Гегеля. / В.П. Шестаков. – Москва: Мысль, 1979. – 372 с.

Сведения об авторе:

Мулюкова Люция Фаргатовна, аспирант кафедры философской антропологии
Оренбургского государственного университета
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2211, тел. (3532) 372586, e-mail: lmulyukova@list.ru

UDC 1:130.122:159.955.2

Mulyukova L. Ph.

Orenburg state university, e-mail: lmulyukova@list.ru

«DREAM» AND INTERRELATION WITH RELATED PHILOSOPHICAL CONCEPTS The paper investigates the specifics of the concept of «dream» as a philosophical category. Determined the essential aspects of the «dream» in the dependence of related ethical and aesthetic philosophical categories – ideal, fantasy, hope, beauty, and utopia.

Key words: a dream, a fantasy, an ideal, hopes, fears, dreams, beauty, Utopia.

Bibliography:

1. Abramov, N. Russian dictionary of synonyms and related within the meaning of the expressions / N. Abrams. – 8th ed., Sr. – Moscow: Russian dictionaries: AST: AST, 2008. – 668 p. – ISBN 978-5-98010-019-3.
2. Apresyan, R.G. The idea of morality and the basic legal and ethical program. // Social philosophy and philosophical anthropology. – Moscow: 1995. – P. 183.
3. Batyushkov K.N. Poems / Batyushkov. – Moscow: the artist. Lit., 1977. – 206 p.
4. Bloch, E. Principle of Hope // Utopia and utopian thinking: an anthology foreign. Lit.: per. with diff. lang. / Comp., total. Ed. and foreword. V.A. Chalikova. – Moscow: Progress, 1991.
5. Significant psychological dictionary / ed. B.G. Meshcheriakova, Zinchenko. – St. Petersburg: Prime Evroznak; Moscow: Olma-Press, 2005. – 672 p. – (Encyclopedia of Psychological). – ISBN 5-93878-086-1.
6. Hegel, G.W.F. Lectures on Aesthetics. In 2 vols 1 / G.W.F. Hegel. – St. Petersburg: Nauka, 1999. – 622 p. – ISBN 5-02-026774-0.
7. Goethe, I.V. Poems. Faust: per. with it. / Goethe. – Moscow: RIPOL Classic, 1997. – 800 p. – (Library of Immortal) – ISBN 5-87907-206-1.
8. Kant, I. Critique of Pure Reason: per. with it. / I. Kant. – Moscow: Penguin Books, 2010. – 736 p. – (Anthology of thought). – ISBN 978-5-699-14702-1.
9. Kant, I. Kritika of Judgment: per. with it. / I. Kant. – Moscow: Art, 1994. – 367 p. – (History of Aesthetics in the monuments and documents.) – ISBN 5-210-02324-9.
10. Koporulina, V.N. Psychological Dictionary / V.N. Koporulina, M. Smirnov, N. A. Gordeev. – 3rd ed., Ext. and rev. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2004. – 640 p. – (Reading). – ISBN 5-222-05039-4.
11. Letyagova, T. Thousand states of the soul: a brief psychological and Philosophy. dictionary / T.V. Letyagova, N.N. Romanova, A.V. Filippov. – 2nd ed., Rev. – Moscow: Nauka: Flint, 2006. – 424 p. – ISBN 5-89349-714-7.
12. Lomonosov, M.V. Selected Prose / M.V. Lomonosov. – 2nd ed., Ext. – Moscow: Sov. Russia, 1986. – 544 p.
13. Maupassant, Guy de Collected Works: 6 t / Guy de Maupassant. – Moscow: Terra, 1999. – V. 5: Mont-Oriol. Uncle Milo. Misty. – 384 p. – ISBN 5-300-02551-8.
14. Nietzsche, F. The Birth of Tragedy from the Spirit of Music: a preface to Richard Wagner / Nietzsche. – St. Petersburg: ABC, 2000. – 230 p. – (ABC-Classics) – ISBN 5-267-00149-X.
15. Psychology: A Biography, bibliographer. Dictionary: per. from English. / N. Sheehy, E.J. Chemplean, William A. Conroy. – St. Petersburg: «Eurasia», 1999. – 832 p. – ISBN 5-8071-0006-9.
16. Reber, A. big explanatory psychological vocabulary: in 2 volumes / A. Reber. – Moscow: ASTVeche, 2003. – Volume 1: A-O. – 592 p. – ISBN 5-17-009151-6.
17. Soloviev, V.S. [electronic resource]. – Rostov-on-Don, «Phoenix», 1998. – Mode of access: <http://www.rodon.org/svs/kvp.htm>
18. Streles U. Sh. Fear and hope as «children» waiting // Man: Horizons of Spiritual Development: Proceedings of the All-Russian Conference..... – Orenburg, LLC «Agency Press», 2009. – P.82.
19. Toro, G.D. Uolden, or Life in the Woods // All the masterpieces of world literature in summary form. Scenes and characters. Foreign literature of the XIX century: An Encyclopedic Edition. – Moscow: Olympus; Publisher ACT, 1996. – 848. – ISBN 5-7390-0274-X (total). ISBN 5-7390-0284-2 («Olympus»). ISBN 5-7841-0099-8 (Publisher ACT).
20. Encyclopedic Dictionary of Philosophy / ed. E.F. Gubskii, G.V. Korableva, V.A. Lutchenko. – Moscow: INFRA-M, 2003. – 576 p. – (Library of dictionaries «INFRA-M») – ISBN 5-86225-403-X.
21. Fromm, E. existential and historical dichotomy of man // A man for himself first. from English. – Minsk: «Collegium,» 1992. – 253.
22. Schelling, F.V. Philosophy of Art: per. with it. / F.W. Schelling. – Moscow: Thought, 1999. – 608 p. – (Classical philosophical thought). – ISBN 5-244-00906-0.
23. Shestakov, V.P. Essays on the history of aesthetics. From Socrates to Hegel. / V. P. Shestakov. – Moscow: Thought, 1979. – 372.